Frederic Chopin

As a Man and Musician

Rapidkeys

Фредерик Никс - Шопен, как человек и музыкант (1 том)

«Автор»

2026

Rapidkeys

Фредерик Никс - Шопен, как человек и музыкант (1 том) / Rapidkeys — «Автор», 2026

Биография Фредерика Шопена, написанная шотландским музыковедом немецкого происхождения Фредериком Никсом — профессором Эдинбургского университета, одним из крупнейших музыкальных исследователей своего времени. Впервые изданная в Лондоне в 1888 году, эта двухтомная работа стала первым полным, документально обоснованным жизнеописанием композитора и была названа современниками «образцом для всех биографий». На протяжении более века она остаётся одной из основных книг о Шопене и не раз переиздавалась.Оригинальное сочинение — Frederick Niecks, Frederick Chopin as a Man and Musician, в двух томах. Источник для перевода: третье издание — London: Novello and Company, Ltd.; New York: Novello, Ewer & Co., 1902.Оригинальный текст находится в общественном достоянии: автор умер в 1924 году, а третье издание вышло в 1902 году, поэтому в РФ исключительные права на него истекли.Права на русский перевод, а также оформление и вступительная статья принадлежат — Бадерину Евгению Геннадьевичу.

© Rapidkeys, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 5
Предисловие к русскому изданию 6
Вступление 8
Польша и поляки 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Фредерик Никс - Шопен, как человек и музыкант (1 том)

Аннотация

Перед читателем — первый том классической биографии Фридерика Шопена, написанной Фредериком Никсом (1845–1924), английским музыковедом немецкого происхождения, профессором Эдинбургского университета. Вышедшая в Лондоне в 1888 году, эта книга стала первой обстоятельной, документально выверенной биографией композитора — до неё о Шопене писали скорее воспоминания и панегирики, чем исследования. Никс начал с расчистки почвы: он разбирает прежнюю шопеновскую литературу — книгу Листа, биографию Карасовского, суждения Шумана, — отделяя факты от легенд, а затем шаг за шагом ведёт рассказ о происхождении композитора, о детстве в Желязовой Воле и Варшаве, о формировании музыканта и юношеских сочинениях, об отъезде из охваченной восстанием Польши, венских страницах и первых годах в Париже. Редкое сочетание скрупулёзности исследователя, живости письма и глубокой любви к своему герою сделало труд Никса образцом музыкальной биографии, по которому десятилетиями учились последующие поколения шопеноведов. Книга рассчитана на музыкантов, музыкальных педагогов, историков культуры и всех, кому дорог облик великого поляка.

Предисловие к русскому изданию

О Шопене было написано столько, что, казалось, добавить нечего: ещё при жизни композитора его окружали легенды, а после смерти их только прибавилось. И тем не менее в конце 1880-х годов одному человеку удалось совершить то, чего до него не делал никто, — написать о Шопене правдиво, точно и в то же время проникновенно. Этим человеком был Фредерик Никс. Судьба его сама готовила к такой книге. Родившийся в Дюссельдорфе в семье музыканта, Никс прошёл путь скрипача и органиста, а затем, поселившись в Шотландии, стал одним из самых авторитетных английских музыкальных критиков и в 1891 году занял кафедру музыки Эдинбургского университета. Германская учёность и английская методичность соединились в нём с редким даром рассказчика. Современники называли его сочинение о Шопене «образцом для всех биографий» — и сегодня, спустя почти полтора века, этот вердикт не устарел. Перед Никсом стояла задача необычайной трудности. О Шопене до него существовала, по существу, одна большая книга — «Фредерик Шопен» Листа, появившаяся в 1852 году. Это было произведение скорее поэтическое, чем документальное: как замечал один французский критик, не биография, а «реквием», где даты и события перемешаны с мифами, созданными романтическим воображением. Польская биография Мориса Карасовского была честнее, но и она оставляла множество пробелов. Никс начал со скрупулёзной ревизии всего этого наследства: в первых главах настоящего тома он показывает, где у Листа искажены факты, где в записях современников — ревность, обида или красиво придуманная деталь, и на какие источники — письма, воспоминания, архивные свидетельства — можно опереться с уверенностью. История его собственных поисков материалов читается как увлекательный детектив: не хватает писем, современники противоречат друг другу, а сам Шопен, человек сдержанный и закрытый, всю жизнь старательно прятал свою личность от посторонних глаз. Из этой разведки и вырастает первый том. Никс подробно останавливается на загадке происхождения Шопена — отсекает домыслы о знатных предках и добросовестно рисует настоящую родословную: отец-француз, учитель в Варшаве, мать-полячка, дом, где ценились образование и музыка. Затем — детство и юность в Варшаве, первые шаги за роялем, занятия с Живным и Эльснером, блистательное детство, которое так легко превратить в анекдот, но которое Никс описывает без прикрас, с той трезвой любовью,

что делает правду ещё прекраснее легенды. Читатель увидит молодого Шопена среди варшавских салонов, почувствует атмосферу города, где польская музыка была ещё жива в своей народной почве, — и поймёт, откуда выросли мазурки и полонезы, что никак не были «салонными» пьесами, а были голосом целого народа. Далее — перелом: 1830 год, восстание, отъезд в Вену — сначала как в страну гастролей, а в итоге навсегда. Никс показывает, как весть о падении Варшавы отозвалась в музыке девятнадцатилетнего музыканта, как складывалась его парижская судьба, откуда и почему он отказался от карьеры блистательного виртуоза и избрал путь композитора и педагога — «артиста для немногих», как говорили современники. На всех этих страницах биограф постоянно сопоставляет мифы с документами: был ли Шопен болезненным романтиком, изнеженным аристократом, «звонком саломенной конфеткой»? Ответ Никса прост и убедителен: писать о человеке нужно так, как он был, а не так, как удобен сентиментальному воображению. Отдельная ценность книги — её язык и ум. Никс не был ни поляком, ни соотечественником Шопена; быть может, именно поэтому он сумел увидеть свой предмет со стороны, не воскуривая ни легенды, ни национальной полемики. При этом он глубоко чувствовал то главное, что отличает Шопена, — то особое сочетание боли и любви, которое поляки называют словом «жаль» и которое не переводится ни на один язык мира. Никс пишет об этом сдержанно и точно, и его страницы о «жаль» вошли во все последующие труды о композиторе. Немало в этой биографии и дат, и суждений, с которых сегодняшняя наука спорит.

Перевод готовился с этим в виду: в примечаниях читатель найдёт указания на позднейшие уточнения — по текстам писем, по сведениям о людях и событиях. Но для верного чтения книги важно одно: Никса интересует не лундский архив, а человек. Он написал не энциклопедию, а портрет, и в этом его великая сила. Прочтя первый том, вы узнаете не только хронологию юности Шопена — вы узнаете, каким он был: застенчивым и острым на язык, скрытным и глубоко чувствующим, ирландской иронии не лишённым ив том же неутомимо трудолюбивым. Настоящий том открывает русский перевод двутомного сочинения Никса. Второй том, который выйдет вслед за этим, доведёт рассказ до конца — до years любви, разлуки, болезней и последнего великодушия Шопена. Но всё, чем дышит эта история, закладывается здесь: в варшавском доме на Краковском предместье, в юношеских тетрадях с мазурками, в решении покинуть родину — и в этой вечной непереводимой тоске по ней.

Вступление

Польша и поляки

Ни у одного другого композитора произведения не носят на себе столь яркого и подлинного национального отпечатка, как у Шопена. Однако было бы ошибкой приписывать это исключительно силе патриотизма польского музыканта. Та же мера патриотического чувства у итальянца, француза, немца или англичанина не породила бы подобного результата. Свойства, отличающие музыку Шопена, предполагают нацию, столь же самобытную по дарованиям, складу, духу и исторической судьбе, как польская, — нацию с историей столь же блестящей и мрачной, столь же прекрасной и ужасной, столь же романтической и трагической. Особенности народов Западной Европы были в значительной мере изменены, если не полностью сглажены, столетиями международного общения; народы же восточной части континента, напротив, до недавнего времени сохраняли свои черты почти неизменными: чужеземное влияние проникало неглубоко, затрагивая в лучшем случае узкий круг аристократии и то лишь в поверхностных формах. Во всяком случае, славянские народы не были сформированы германской и романской культурами так, как эти последние

формировали друг друга: Восток и Запад и поныне остаются разделёнными — чужаками, если не врагами. Учитывая, насколько глубоко музыка Шопена укоренена в национальной почве, и принимая во внимание, как мало известно о Польше и поляках в целом, необходимость уделить здесь больше внимания стране рождения артиста и народу, к которому он принадлежит, чем это обычно делается в биографиях деятелей искусства, будет признана всеми, кто стремится полностью понять и верно оценить поэта-музыканта и его творчество. Но, отмечая национальное происхождение музыки Шопена, мы должны остерегаться приписывать этому происхождению слишком много. Более того, тот факт, что личная индивидуальность Шопена столь же ярко выражена, столь же самобытна и независима, как и национальная индивидуальность Польши, чаще упускается из виду, чем национальная принадлежность мастера и её значение для его художественного мира. А теперь, ознакомив читателя с общим замыслом этого вступления, я без дальнейших отступлений перехожу к самому повествованию. Золотые дни Польши миновали вскоре после угасания династии Ягеллонов в 1572 году. Ещё в 1661 году король Иоанн Казимир, осуждая неповиновение и неустойчивость шляхты, её страсть к внешнему блеску и внутренним смутам, предупреждал знатные роды: если она не искоренит существующие пороки, не реформирует свои мнимо свободные выборы и не откажется от эгоистических привилегий, дворянская республика станет добычей соседних держав. И это было не первым предостережением. Иезуит Пётр Скарга (1536–1612), неутомимый обличитель пороков правящих классов, ещё в 1605 году предрекал им, что их раздоры приведут их под иго ненавистников, лишат короля и отчизны, заставят скитаться в изгнании и сделают презренными в глазах тех, кто прежде их боялся и уважал. Но эти голоса остались гласом вопиющего в пустыне — и пророчества исполнились с мрачной точностью. Выборная монархия, pacta conventa [Сноска: Условия, которые кандидат на престол обязан был подписать после избрания. Они, разумеется, диктовались избирателями — то есть эгоистическими интересами одного класса, шляхты (дворянства), или, точнее, её наиболее могущественных представителей.], право вето (liberum veto) [Сноска: Право любого депутата сейма остановить заседание, произнеся «Nie pozwalam» («Не позволяю») или подобные слова.], унижение сословия горожан, порабощение крестьянства и прочие ухищрения вечно растущего влияния дворянства — всё это превратило некогда могущественное и цветущее государство в «нацию, лежащую, словно сломленная, на общественной дороге; анархическую во всех проявлениях, под ногами и копытами соседних народов» [Сноска: Томас Карлайл, «Фридрих Великий», т. VIII, с. 105]. В гниющем организме общества продажность, беспринципные амбиции и религиозная нетерпимость нашли благодатную почву; поощряя иностранные интриги и вмешательства,

они принесли смертоносные плоды — конфедерации, гражданские войны, русскую оккупацию страны и господство над королём, советом и сеймом. И наконец — начало конца: первый раздел Польши в 1772 году, в результате которого государство потеряло треть своей территории и пять миллионов жителей. Но худшее было впереди. Разделённые державы — Россия, Пруссия и Австрия — хорошо знали, как с помощью взяток, угроз и подкупа сеймовых депутатов заставить саму Польшу не только санкционировать своё ограбление, но и изменить собственную конституцию так, чтобы державы-соседи получили постоянный рычаг влияния на внутренние дела Республики. Польский писатель Францишек Гжимала справедливо замечает, что если бы вместо нескольких тысяч человек, определявших судьбу Польши, всей нации принадлежали равные права, и если бы народ, вместо того чтобы пребывать во тьме и невежестве, был свободен и, следовательно, способен чувствовать и мыслить, то национальное дело, гибнущее от лени и извращённости одной привилегированной части граждан, было бы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.